

— Мы к тому времени уже в принципе сложились как люди и как музыканты. У нас был свой стиль. Он просто сделал так, что наши песни люди смогли и увидеть, и услышать. Как раз то, чего нам не хватало. К его чести, он никогда не лезет ни в музыку, ни в стихи. Он может что-то сказать, но, как правило, я понимаю, что все-таки я прав, и все остается по-моему. Сашка — он талантливый организатор и директор.

— Музыканты с тобой тоже всегда соглашались?

— Да я не знаю, как можно со мною соглашаться или нет, потому что мы песни делаем вместе. Я никогда никому не диктую, как играть, не хочу никого превращать в роботов. Люди должны творить сами.

— А ребята не обижаются, когда приходят журналисты и беседуют только с тобой, а группа остается как бы за кадром?

— Да нет, они совершенно не тщеславные, я их за это и люблю. Мы затевали это дело не для славы, а просто потому, что хочется играть музыку. Это уже на уровне физиологии. Если не играешь музыку, то начинаешь чувствовать себя плохо.

— В одном из интервью ты сказал, что "Сплин" — это твое внутреннее ощущение. Это как понимать — что ты всегда грустный?

— Да нет. Я никогда не перевожу с английского это слово. "Сплин" — это группа из Ленинграда.

«...переводит доллары на рубли...»

— Вчера был ваш первый московский концерт после "отпуска". Расскажи, где вы отдыхали летом.

— Все лето мы ездили с концертами по стране, так что отдохнуть удалось только в августе. Сначала были на Кавказе, потом четыре дня — в Праге. После еще неделю ездили по маленьким городкам Чехии. Очень понравилось.

— Тебя видели этим летом в Керчи...

— Да, в Керчи я действительно был. Мы ехали с Кавказа на Казантип, на райв-пати. Райв мне неинтересен, но хотелось посмотреть само это сооружение — атомную станцию. Переправлялись на пароме с Кавказа в Крым, и первый город на пути был Керчь, мы там валюту пытались поменять. Помню, около обменника подошли парень с девчонкой: "Вы действительно Саша Васильев из "Сплина"? — "Да нет, — говорю, — я Филипп Киркоров". Потом, когда эту шутку пришлось повторить уже раз двадцать пять, стал говорить, что я Андрей Макаревич.

— Так вы там еще и в кризис попали...

— Да, мы пытались поменять рубли, а нам говорили, что "ваш рубль ничего не стоит, менять ничего не будем". А доллары все остались на Кавказе. Хорошо, что нашла у кого-то в кармане "сотка", и мы смогли поесть и заправиться. Мы протусовались на Казантипе в ту ночь, но на райв-пати так и не пошли. Зато нашли там громадную железную бочку, типа как в "Белом солнце пустыни", где Сухов прятался. Метров 15 высотой и в диаметре. Мы туда залезли и совершенно обалдели от акустики. Можно было просто щелкнуть пальцами, и эхо летало секунд 20, отражаясь от пола, от стен, от потолка... С обертонами какими-то нереальными. Даже страшно становилось. В природе этот звук изобразить совершенно невозможно. Янек тут же сбежал за флейтой, и мы сыграли концерт для наших жен.

— Существует такое понятие, как питерский рок. Чем он отличается от московского?

— Московского рока не существует. После "Машины времени" нет ни одной группы. Здесь играть рок невозможно.

— Почему?

— Здесь жизненные ценности несколько другие. Если в Ленинграде большое количество людей может наплевать на свое материальное благополучие и просто довольствоваться какими-то средствами, чтобы выжить, то в Москве это не престижно. Здесь нужно обязательно зарабатывать деньги.

— А московская публика чем-то отличается?

— Вот публика не отличается практически ничем. Судя по вчерашнему концерту, слушатели очень похожи. По крайней мере честны и искренни. И ценят мою музыку.

«Я умираю со скуки, когда меня кто-то лечит...»

— Ты с детства хотел быть музыкантом?

— Даже не знаю. Я никогда не думал об этом. Все как-то само плавно произошло. Я не ставил перед собой цели кем-то быть.

— Но о чем-то ты мечтал?

— У меня была мечта быть свободным. Чтобы не было начальства, не было подчиненных, и дураков рядом не было. Чтобы были те люди, которые мне нравятся. Чего, собственно говоря, я и добился.

— Закончив школу, ты потом бросил два института...

— Я учился в театральном на экономическом факультете. Но экономика интересна мне и сейчас. Я люблю читать "Экономику". Есть такой

двухтомник, два американца его написали. Просто это интересно.

— Как относятся родители к твоей карьере?

— Последнее время — очень хорошо. Просто они поняли, что я все эти годы не ерундой занимался. С уважением относятся.

— Ты конфликтный человек?

— Совершенно нет. Я стараюсь сразу же разрешить любой конфликт. Не люблю этого. Но бывают моменты, когда моим близким приходится со мною тяжело.

— Тексты большинства твоих песен — очень серьезные. Ты по натуре философ?

— Самая серьезная философская книга, которую я прочитал в своей жизни, — это "Винни-Пух". В Праге я наконец-то купил себе оригинал на английском языке, и мы все просто протаскились. Такой кайф получили! Там и стихи, и диалоги — просто блестящие. На самом деле Заходер в переводе выбросил очень много. Видимо, он не оценил этого юмора, а просто попытался подогнать текст под советский народ. Вот в этой книге — настоящая философия. Философия — это понимание жизни. И Винни-Пух ее если не понимал, то хотя бы пытался в ней разобраться.

— А ты сам разобрался?

— Да нет, конечно.

«Ты так хороша: длинные пальцы, узкие джинсы, шея в плечи...»

— Саш, на что ты можешь обидеться?

— На ложь, наверное.

— И часто тебя обманывали? Женщины коварные попадались?

— Да нет. Я всегда стараюсь строить отношения таким образом, чтобы этого не было. И со всеми до сих пор дружу.

— А сам обманывал?

— Обманывал. Наверное, на меня до сих пор кто-то обижается...

— Что, так много женщин было?

— И было много, и я думаю, что еще и будет много.

— Среди них есть поклонницы?

— Нет, как раз с поклонницами я не завожу ничего. Когда все понятно — тогда неинтересно. Хочется же интриги всегда. Чего проще — взять любую девчонку и затащить ее в постель.

— Где же ты их тогда находишь?

— Везде!

— На последнем альбоме ты написал "special thanks" родителям, жене, а потом — любовницам...

